

Глава первая

ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Человеческое общество — объект многочисленных исследований. Одни из них относятся к специальным дисциплинам, таким, как право, история, политическая экономия, история религий и т. д.; другие охватывают те сферы, которые пока выглядят смутно, нечетко; их синтезу, направленному на изучение человеческого общества вообще, можно дать имя социологии.
2. Это определение крайне несовершенно, но, быть может, его и не следует особенно улучшать, поскольку среди всех наук ни у одной, включая и математические науки, нет строгого определения. В связи с этим предмет нашего познания будет разделен на различные части только ради удобства, и это искусственное деление со временем изменится. Не стоит, пожалуй, спорить о словах; перейдем к делу.

Итак, здесь не будут обсуждаться вопросы о том, является ли социология автономной наукой, отлична ли она от философии истории; вместо этого мы займемся исследованием тех единообразий, какие демонстрируют социальные факты, и тех отношений, которые проявляются между этими фактами. Такому исследованию потом может быть дано желательное название.

3. Для решения наших задач мы стремимся следовать некоторым нормам, которые предпочитаем представить здесь в качестве введения, вместо того чтобы обсуждать их всякий раз при появлении подходящего случая. Доказательства некоторых положений, которые здесь только приводятся, будут изложены в дальнейшем.
4. Автор может представить принципы, которых он собирается придерживаться, двумя совершенно разными способами. Во-первых, он может требовать, чтобы они принимались в качестве доказанных истин, и в таком случае всякое логическое следствие из них будет считаться доказанным. Во-вторых, он может выдвинуть такие принципы в качестве простого указания на один из многих путей, какими можно было бы пойти; в таком случае ни одно из их логических следствий нельзя рассматривать в качестве реально доказанного, оно будет представлять собой лишь обсуждаемое гипотетическое положение. Поэтому следует остерегаться использования таких выводов и исследовать отношения непосредственно между фактами.

5. Опыт показал, что второй способ был полезен в исследованиях в некоторых науках; поэтому можно попытаться применить его и в социологии. Мы не выдвигаем никакой догмы в качестве исходного пункта нашего исследования, и изложение наших основных положений представляет собой только указание пути, одного из многих, который предстоит выбрать и затем следовать по нему. Поэтому тем, кто пожелают идти вместе с нами, никто не возбраняет искать иной путь.
6. До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное «позитивная», данное Контом его философии; она столь же догматична, как и «Рассуждение о всеобщей истории» Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летурно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются «гуманистические», нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий. Не желая объявлять ошибочными все эти почитаемые социологии, мы позволим себе представить здесь исключительно экспериментальную социологию, подобную химии, физике и иным, близким к ним наукам.

Таким образом, мы намерены руководствоваться только опытом и наблюдением исключительно в том смысле, какой эти два понятия приобрели в естественных науках, а не в таких значениях, какие проявляются в ныне встречаемых выражениях: «духовный опыт», «христианский опыт» и т. п., которые обновляют под иным именем самонаблюдение античных метафизиков.

Там, где опыт не противопоставляется наблюдениям, мы для краткости будем именовать эти вещи одним словом, т. е., говоря об *экспериментальных науках*, мы будем иметь в виду *наблюдение*.
7. В любых общностях распространено употребление описательных, предписывающих и им подобных утверждений, например: «Не желай себе того, что принадлежит другим», «Возлюби ближнего своего как самого себя», «Умей быть бережливым, если не хочешь однажды впасть в нужду». Эти высказывания, объединяемые логической или псевдологической связью и дополняемые разнообразными повествованиями, образуют теории, теологии, космологии, метафизики и т. д.
8. Для тех, кто благодаря воздействию чувств верят в них, эти теории делятся на два класса: истинные и ложные, хотя сами эти термины не особенно определены.
9. Часто к этому добавляются три аксиомы:
 - любой умный человек *должен* принимать *истинные* и отвергать *ложные* положения;

- любая *истинная* теория полезна, а любая *ложная* теория вредна;
- одна и та же теория не может быть полезной для одних и вредной для других социальных классов.

10. Не занимаясь изучением их внутренней ценности, идущей от веры, мы можем рассматривать все подобные положения и теории отвлеченно, как экспериментальные факты, в которых проявляются диспозиции и склонности людей. Они оказываются среди тех элементов, которые воздействуют на общество.

11. При попытке классифицировать теории мы сталкиваемся с тем, что теория состоит из двух частей: *материала*, т. е. описательной, аксиоматической части с включением конкретных и абстрактных, реальных и воображаемых сущностей, и *связи*, т. е. наличия логических и псевдологических рассуждений, апелляций к чувству, присутствия этических, религиозных и прочих элементов. Обо всем этом подробно будет говориться в § 180.

12. Рассматривая материалы и связи в разных аспектах и принимая во внимание возможные комбинации их видов, мы можем распределить их так.

Объективный аспект, т. е. рассмотрение теорий независимо от того, кто их создает и кто их принимает.

Класс I. Экспериментальный материал:

Ia. Связь логическая, включает все теории логико-экспериментальных наук. <Возможны варианты:>

Ia₁. Чистый тип исключительно с экспериментальным материалом и с логической связью; абстракции и общие принципы, от которых логически выводятся следствия, извлечены исключительно из опыта и подчинены ему;

Ia₂. Материал оказывается всегда экспериментальным, связь является логической, однако абстракции и общие принципы приобретают значимость, выходящую за границы опыта, и господствуют над ним.

Ib. Связь нелогическая, т. е. это логические софизмы или хитроумные рассуждения, выполненные ради введения в заблуждение других людей.

Класс II. Неэкспериментальный материал:

IIa. Связь логическая.

IIb. Связь нелогическая.

Несомненно, классификация зависит от наших знаний, и тот, кто станет считать экспериментальными некоторые элементы и сочтет приводимые аргументации логическими, отнесет теорию к иному классу, чем тот, кто будет придерживаться противоположного воззрения.

Кроме того, в конкретных случаях одна и та же теория может быть отчасти экспериментальной, отчасти — нет, отчасти логической и отчасти нелогической.

Субъективный аспект, т. е. рассмотрение теорий в зависимости от того, кем она создается и кем принимается.

a. Причины, по которым данная теория была создана данным человеком.

b. Причины, по которым данная теория была принята данным человеком.

Такие вопросы относятся также к общностям.

Аспект полезности, т. е. рассмотрение либо тех чувств, которые порождают данную теорию, либо того воздействия, которое эта теория оказывает на возникновение, усиление и, соответственно, изменение некоторых чувств.

I. Польза или вред от чувств, порождаемых теорией.

Ia. Для того, кто ее создает.

Ib. Для того, кто ее принимает.

II. Польза или вред от данной теории.

IIa. Для того, кто ее создает.

IIb. Для того, кто ее принимает.

Такие аспекты рассмотрения распространяются и на общности.

13. Кратко обобщим сказанное. Если, например, рассматривается суждение о том, что $A = B$, то надо ответить на следующие вопросы.

Объективный аспект. Соответствует или не соответствует опыту это суждение?

Субъективный аспект. Почему некоторые люди говорят, что $A = B$? Почему другие люди этому верят?

Аспект полезности. Какая польза имеется от тех чувств, которые проявляются в суждении, что $A = B$, для тех, кто его высказывает? Какая польза от них для тех, кто данное суждение принимает?

В предельном случае на первый вопрос отвечают утвердительно, а по отношению к другим добавляют: «Люди утверждают, верят, что $A = B$, потому что это *истинно*»; «Проявляемые при этом чувства *полезны*, поскольку они *истинные*; сама эта теория *полезна*, поскольку она *истинная*». В этом предельном случае обнаруживаются утверждения, отвечающие логико-экспериментальной науке, так как *истинность* означает соответствие опыту; но при этом встречаются также утверждения, никоим образом не отвечающие опытной науке, в которых слово «*истинно*» означает нечто совсем иное и очень часто — просто согласие с чувствами того, кто защищает этот тезис.

В исследовании, которое мы проведем в следующих главах, будут часто встречаться такие случаи:

a. Высказывания, отвечающие опыту, выдвигаемые и принимаемые в согласии с чувствами, которые полезны или вредны индивиду, обществу;

- b. Высказывания, отвечающие опыту, отвергаемые из-за того, что они расходятся с чувствами отдельных индивидов, хотя они были бы полезны для общества, если бы их приняли;
- c. Высказывания, идущие вразрез с опытом, выдвигаемые и принимаемые потому, что они отвечают чувствам, которые полезны, порой необычайно, индивидам, обществу;
- d. Высказывания, идущие вразрез с опытом, выдвигаемые и принимаемые, поскольку они отвечают чувствам, которые полезны для одних индивидов, вредны для других, полезны или вредны обществу.

Обо всем этом мы ничего не можем узнать априорно; требуется обратиться к опыту, чтобы в этом разобраться.

14. В объективном аспекте мы разделяем высказывания и теории на два класса: к первому относятся те, которые не выходят за границы экспериментальной сферы; ко второму относятся те, которые каким-либо образом выходят за ее границы. Если мы хотим, чтобы наши высказывания отличались строгостью, то необходимо четко отделять эти классы. Каждому из них свойственна своя особая манера рассуждения и, вообще, свой особый критерий, по которому они делятся на два рода. К первому роду относятся те из них, в которых имеет место логическое соответствие выбранному критерию, и о них говорят, что они *истинные*. Второй род охватывает все те высказывания, которые не отвечают такому критерию; такие высказывания называют *ложными*. Эти термины «*истинное*» и «*ложное*» находятся, следовательно, в непосредственной зависимости от выбранного критерия. Если бы мы захотели придать им абсолютный смысл, то вышли бы из логико-экспериментальной области и вступили бы туда, где господствует метафизика.

Критерий *истинности* первого класса суждений (высказываний) обращен исключительно к опыту и к наблюдению, тогда как критерий *истинности* второго класса высказываний лежит вне объективного опыта. Его могут находить в божественном откровении, в тех концепциях, где, как говорится, человеческий дух обращается к самому себе без того, чтобы нуждаться в объективном опыте, в универсальном консенсусе людей и т. д.

15. Обычно метафизики называют наукой познание сути вещей, их основ. Если мы на миг примем такое определение, то должны будем отметить, что эта работа вовсе не является научной. Мы не только воздерживаемся от выяснения сути вещей и их основ, но даже совершенно не представляем себе, что эти понятия могут означать (см. § 211).

В то время как метафизика от абсолютных принципов нисходит к конкретным случаям, экспериментальная наука восходит от конкретных

случаев, но не к абсолютным принципам и сущностям, которые для нее не существуют, а к общим принципам, и затем устанавливает их зависимость от других, еще более общих принципов и т. д.

16. В менее явной форме <метафизический> предрассудок, требующий знания сущностей, нацеливает на объяснение частных фактов исходя из общего принципа, вместо того чтобы выводить его из частных фактов. Именно так путают установление факта с объяснением его причин. Например, по некоторым наблюдениям мы делаем заключение о существовании факта *A* и, кроме того, указываем на его вероятные причины: *B*, *C*, *D*... Если затем окажется, что *B*, *C*, *D*... не являются причинами *A*, то из этого не следует, что *A* не существует. Такое доказательство было бы приемлемым, если бы существование *B*, *C*, *D*... следовало из опыта, и из него же следовал вывод о существовании *A*; но доказательство не имело бы убедительной силы, если бы наблюдение непосредственно представляло *A*.
17. Человеческое мышление синтетическое; только навык научного рассуждения позволяет немногим людям в ходе анализа отделять части от целого. Благодаря этой склонности оказывается, что как для того, кто выдвигает некоторое положение, так и для того, кто ему следует, немалую сложность составляет отдельное рассмотрение этого положения по двум критериям, экспериментальному и неэкспериментальному — большинство людей чаще всего склонны смешивать их. Как будет показано далее, многие важные для социологии факты получают в этом объяснение.
18. Необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознанна в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук.
Из этого следует самая распространенная ошибка, которая состоит в отрицании истинности некоторой теории, поскольку она не объясняет все стороны конкретного факта. В иной форме та же ошибка проявляется в стремлении включить в одну теорию другие теории, аналогичные или даже чуждые ей.
19. Возьмем, к примеру, политэкономическую теорию. Конкретный феномен *O* имеет не только экономическую сторону *e*, но и социологические стороны: *c*, *g*... Неправильным было бы, как это многие делают, стремиться включить в политическую экономию социологические части — *c*, *g*... Напротив, надо добавлять к экономическим теориям, дающим знание о *e*, другие теории, позволяющие получить знание о сторонах *c*, *g*...

20. Так, в рамках политической экономии надо добавлять, не подменяя, теории прикладной экономии к теориям чистой, или математической экономии*, которая имеет своей основной целью выявление взаимозависимости экономических явлений.
21. И все же нашелся один необыкновенный умник, который желает заменить политическую экономии психологией, поскольку многие экономические феномены зависят от желаний и воли людей. Почему он ограничивается этим? Почему тогда политэкономии не заменить географией или, скажем, астрономией? Ведь, в конце концов, экономический феномен зависит также от состояния морей, расположения континентов, рек и, по большому счету, от солнца, которое дарит жизнь «этому прекрасному миру растений и животных».
- Среди подобных измышлений есть и предложения именовать экономии позитивной. Эта деятельность похвальна, поскольку вызывает смех, а он улучшает самочувствие.
22. Кроме того, крайне трудно, почти невозможно отделить простое знание о единообразиях <социальных фактов и связей>, существующих в обществе, от действия, направленного на их изменение. Если некто занялся изучением того, что есть, то он непременно хочет иметь еще и практическую цель, а поскольку ее нет, он сам, в конце концов, ее придумывает.
23. Аналогичным образом очень трудно достичь того, чтобы не было отхода от выраженных автором идей, чтобы к изложенным положениям не добавлялось иных положений, следующих из контекста, которые сам он никогда не имел в виду. Если отмечают недостаток или достоинство объекта *A*, то, само собой подразумевается, порицают или хвалят данный объект в целом. Это было бы понятно, по крайней мере отчасти, для выступления ради пропаганды или для случая, когда рассуждают в соответствии с чувствами (см. § 197). Такое заключение оказывается, однако, неверным, если требуется исходить из простого описания и изучения единообразий, так как при этом рассуждение строится в объективной манере, согласно логико-экспериментальному методу, и здесь недопустимо выражение собственных чувств ни эксплицитно, ни имплицитно.
24. Допустим, что дано некоторое количество фактов. Задача нахождения описывающей их теории имеет не одно решение. Различные теории могут равным образом удовлетворять условиям задачи. Выбор одной из них

* Парето считал, что политэкономии должна позволить математической экономии дать математическое выражение ее законов.

может быть подсказан субъективными мотивами, среди которых может быть, к примеру, простота.

25. В логико-экспериментальных науках теории являются не чем иным, как следствиями, выводимыми логическим путем из некоторых общих, абстрактных положений, которые называются принципами и в которых подытожены, суммированы общие особенности, характерные для многих фактов. Эти принципы, эти теории, их дедуктивные выводы полностью подчинены фактам, не имеют иного критерия истинности, кроме хорошего представления фактов; они значимы лишь постольку, поскольку согласуются с фактами, и отвергаются сразу, как только расходятся с ними.
26. Не будет выходом из экспериментальной области использование гипотез как средства дедукции, всегда подлежащей проверке опытом; мы вышли бы из этой области, если бы эти гипотезы использовались в качестве средства доказательства без какой-либо экспериментальной верификации.
27. Когда очень многие выводы, полученные из некоторой гипотезы, уже проверены на опыте, становится очень высокой вероятностью, что и новый вывод из этой гипотезы будет еще одним ее подтверждением, и на практике допустимо принятие этого вывода без верификации. Это объясняет, почему в сознании многих людей происходит отождествление гипотезы, подчиненной опыту, с гипотезой, которая господствует над опытом. На практике всегда встречаются случаи, когда полученные из некоторых гипотез выводы принимаются именно так, непосредственно. Например, в наши дни были поставлены под сомнение некоторые принципы рациональной механики, по крайней мере для скоростей, намного превышающих те, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни; однако очевидно то, что проектирующий машины инженер может следовать этим принципам и принимать их, никак не рискуя ошибиться, поскольку скорости движения частей его машин очень далеки от тех, при которых изменились бы принципы динамики.
28. Мы опускаем рассмотрение вопроса о том, имеют ли научные законы необходимый характер (см. § 209). В этом отношении нам никак не помогут ни наблюдения, ни опыт; законы указывают только на наличие некоторых единообразий и лишь в тех пространственных и временных границах, на которые распространяются такие наблюдения и такой опыт. Данное условие всегда подразумевается, даже когда мы предпочитаем не упоминать о нем. Кто не будет всегда о нем помнить, тот не сможет хорошо осознать, о чем идет речь в этой книге.

29. Равным образом мы не вступаем в дискуссии о необходимости силлогизма. Например, силлогизм из трактатов по логике — «Все люди смертны; Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен» — с экспериментальной точки зрения надо выразить так: «Все люди, о которых мы смогли узнать, умирали; благодаря известным нам признакам Сократа, он относится к категории этих же людей; следовательно, очень вероятно, что Сократ смертен».
30. Степень этой вероятности возрастает благодаря ряду обстоятельств (см. § 212, 235). Так, она намного выше вероятности следующего силлогизма, который можно было бы высказать до открытия Австралии: «Все лебеди, о которых мы смогли узнать, оказывались белыми; птица, имеющая все черты, отличающие лебедей, об окраске которой нам еще неизвестно, будет, следовательно, вероятнее всего белой».
31. Утверждать, как делают многие, что «чудо» невозможно, потому что это противоречит постоянству естественных законов, означает строить замкнутый круг рассуждения, предлагать как доказательство само доказываемое утверждение. Если бы наличие «чуда» можно было доказать, то тогда одновременно было бы нарушено постоянство естественных законов. Суть проблемы состоит, следовательно, в доказательстве наличия такого события. Это доказательство будет тем строже, чем шире круг известных нам фактов; остается только посочувствовать, так как честь доказывать выпадает тем, кто уверяет в наличии чуда.
32. Итак, для нас научные законы есть не что иное, как экспериментально установленные единообразия, и в этом отношении нет различия между разными науками. Различия имеют место главным образом при большем или меньшем наложении действия одних законов на другие. Небесной механике повезло в том, что она может изучать проявления действия одного-единственного закона (единообразия). Однако изучаемые следствия могут быть и такими, что нахождение представленного в них единообразия — дело крайне затруднительное. Напротив, по счастливой случайности масса Солнца намного превосходит массы планет, и, следовательно, единообразия раскрывается легко, хотя, если подойти строго, предположение о том, что планеты движутся вокруг неподвижного Солнца, неверно, и впоследствии потребуется исправить ошибку, допущенную при первом приближении. В химии, физике и механике часто можно изучать законы изолированно или, в крайнем случае, можно при помощи искусственных средств отделять действие каждого из них от остальных влияний, хотя в ряде случаев они настолько переплетаются, что их разделение оказывается непростым делом. Эти явления возрастают

в биологии, геологии, еще более в метеорологии, а также социальных науках.

33. Другое различие между научными законами касается разных возможностей или невозможности отделить друг от друга их действия посредством опыта <эксперимента>, который здесь мыслится как противопоставление <простому> наблюдению. Химия, физика, механика и биология очень широко используют опыт, другие науки обращаются к нему реже, третьи почти или совсем не используют его, что характерно для социальных наук и небесной механики, по меньшей мере, в ее части, относящейся к изучению движения звезд.
34. Ни один закон, включая экономические и социальные законы, не допускает исключений: неоднобразное единообразие — это бессмыслица. Феномен, названный в просторечии исключением, представляет собой наложение действия одного закона на действие другого закона. Только в этом отношении научные законы, и даже законы математические, имеют исключения. Все материальные тела, расположенные на поверхности Земли, притягиваются к ее центру, однако перо, подхваченное порывом ветра, удаляется от земной поверхности, а оболочка, наполненная водородом, поднимается в воздух. Наложение друг на друга разных единообразий как раз и затрудняет исследования во многих науках.
35. Вместо отдельно наблюдаемых феноменов часто следует рассматривать их вместе с другими, из-за которых действия одних единообразий ослабляются, а других — усиливаются. Мы не можем, к примеру, знать, какой будет температура воздуха на 15 июня будущего года, но приблизительно можно определить среднюю температуру в июне месяце, а еще точнее — среднюю температуру трехмесячного периода за несколько лет. Однако следует учесть, что эти средние показатели в значительной мере условные; они введены нами для нашего пользования. Не следует придавать им смысл чего-то существующего вне зависимости от фактов, т. е. не следует видеть в них метафизические сущности. Часто они являются только первой ступенью интерполяции.
36. В первом приближении мы можем удовлетвориться сведением о том, что частично элиминированы менее существенные эффекты. При этом не только можно, но и целесообразно сделать некоторое уточнение по поводу терминов «менее» и «более» и определиться, что элиминируется, а что нет. Однако будет лучше, если можно установить границы расхождений, которые существуют между реальным феноменом (факты) и той моделью, которую мы получим с помощью средних величин и усредняющих теорий. Но это не отменяет того, что сам первый шаг, когда

отделяются менее существенные эффекты от более существенных, очень ответствен, и часто бывает довольно трудно его сделать. Он открывает дорогу к дальнейшим шагам, и только педанты, совсем не сведущие в науке, откажутся признать его пользу.

37. Конкретное явление нельзя познать полностью во всех его частностях, и фактически всегда имеется некоторый остаток. Теория никогда не может охватить явления во всех деталях; следовательно, расхождения неизбежны и остается только сводить их к минимуму. Значит, и с этой стороны мы вновь приходим к рассмотрению последовательных приближений (аппроксимаций). Наука — это постоянное становление, т. е. непрерывное движение от одной теории к другой, более приближенной к реальным фактам.
38. Поскольку ни одна теория не берется в качестве обязательной основы, то из числа тех, среди которых можно делать выбор, мы предпочтем теорию, которая меньше всего расходится с фактами прошлого, позволяет лучше предвидеть факты будущего и дает возможность распространить ее на наибольшее число фактов.
39. Доказательства наших положений мы ищем только в опыте и в наблюдениях, что относится к тем логическим выводам, к которым они приводят, и исключает всякое доказательство, построенное на соответствии с чувствами, на самоочевидности или велениях совести.
40. Некто предлагает положение только потому, что оно отвечает его чувствам. Именно поэтому оно ему кажется самым *очевидным*. В плане социальной полезности это во многих случаях может быть и хорошо, но в экспериментальной науке такая согласованность теоретического положения с определенными чувствами почти, а то и вовсе, не имеет значения.

Именно потому, что мы стремимся оставаться в области экспериментальной науки, мы ни при каких обстоятельствах не будем апеллировать к чувствам читателя. Мы будем представлять только факты и выводы из этих фактов, будем вести речь только о предметах, а не о чувствах, которые они в нас вызывают. Их мы будем изучать как внешние факты.
41. Мы не намерены, однако, как это делается в материалистической метафизике, ставить логику и опыт на службу догмам, принимаемым под влиянием чувств: мы стремимся отделять, а не сравнивать и тем более не оценивать. Мы, в общем, утверждаем только то, что опыт остается единственным из всего, что может использовать тот, кто не намерен

выходить из экспериментальной области. Эти слова показались бы ненужной тавтологией, если бы не было тех, кто все время смешивают опыт и веру, умозаключение и чувства.

42. В экспериментальной науке нет догм, даже такой, в которой утверждалось бы, что экспериментальные факты можно объяснять только из опыта. Если бы все же такая догма наличествовала, то экспериментальная наука приняла бы ее точно так же в качестве простого наблюдения. Действительно, она принимает положение о том, что для изобретений и открытий порой оказываются полезными и неэкспериментальные принципы — постольку, поскольку они подтверждаются опытным путем. Однако до сих пор история человеческого познания свидетельствовала, что в процессе доказательства потерпели крах все попытки объяснить природные факты с помощью положений, основанных на религиозных или метафизических принципах.
43. Мы никоим образом не занимаемся внутренними истинами какой бы ни было религии, веры, метафизического или нравственного суеверия, поскольку все это лежит за пределами, в которых мы предпочитаем оставаться. Но подобно тому, как сами не вторгаемся в сферы, где заняты другие, мы, со своей стороны, не допустим, чтобы вторгались в нашу. Если мы считаем нелепым и пустым занятием противопоставление опыта тем принципам, которые лежат за пределами опыта, то мы лишь отказываемся признать господство таких принципов над опытом.
44. Понятиям обыденного языка недостает точности, она обеспечивается только наукой.

Любому высказыванию, которое, подобно метафизическим суждениям, основано на чувствах, недостает точности, так как в чувствах ее нет, а название вещи не может представить ее точнее, чем она сама. Кроме того, подобное суждение порой как раз и рассчитано на недостаточную точность обыденного языка, так как она позволяет скрывать логические ошибки и убеждать.

Напротив, при экспериментальных рассуждениях, основанных на объективном наблюдении, пользуются терминами, лишенными всякой двусмысленности, и стремятся делать их как можно более точными. Следовательно, надо пользоваться особым техническим языком, т. е. словами, которым придаются вполне четкие и определенные смысловые значения, что позволяет избежать неточностей обыденного разговорного языка.

Итак, стремясь употреблять только логико-экспериментальные рассуждения, мы приложим максимум усилий к тому, чтобы слова были вполне определенными и соответствовали вещам с минимумом ошибок,

т. е. с таким отклонением от экспериментальной области, которым можно было бы пренебречь.

Здесь следует отметить, что слово выражает определенное представление, которое может отчасти соответствовать вещи и отчасти не соответствовать ей, но оно никогда не соответствует ей полностью. Не имеют реальных воплощений не только геометрические формы, такие, как прямая линия, круг и т. д., нет также ни абсолютно чистых химических веществ, ни идеально чистых видов в зоологии и в ботанике; нет ни одного физического тела, полностью обозначенного понятием, потому что тогда потребовалось бы указать и момент, когда оно рассматривается: кусок железа не остается идентичным, если меняются его температура, электрические свойства и т. д. Итак, следует пояснять соответствующим образом те высказывания, которые в обыденном языке предстают как имеющие безотносительный характер, и, как правило, заменять количественными все те характеристики, относительно которых на обыденном языке сообщается как о качественных отличиях.

45. Люди предпочитают получать свои научные знания при помощи обыденного языка по двум причинам. Во-первых, потому, что они полагают, что слову непременно должна соответствовать определенная вещь, отчего имя — это все, и часто оно наделяется таинственными свойствами. Во-вторых, потому, что так оказывается проще выстраивать «науку», черпая знание из себя всякий раз, когда это понадобится, не нуждаясь в проведении долгих, кропотливых и утомительных исследований.
46. Экспериментальная наука, напротив, такова, что направлена исключительно на вещи и не может извлекать для себя какую-либо пользу из слов, что, впрочем, могло бы повредить ей. Этот вред будет нанесен как тем, что слова вызовут чувства, приводящие к вере в реальное существование на самом деле мнимой сущности, так и тем, что рассуждениям о словах недостает точности.
47. Имеется одно простое средство, позволяющее выяснить, обращено ли некоторое высказывание к чувствам или к более или менее определенным представлениям, аккумулированным в обычном разговорном языке, или же оно относится к экспериментальной науке. Достаточно заменить наименования вещей простыми буквами *a*, *c*, *d*...: если высказывание утратит всякую силу, то оно относится к первому роду; если оно ее сохранит — то ко второму.
48. Чтобы избежать опасности, всегда присутствующей в социальных науках, что кто-то пожелает искать значения слов не из объективных определений, которые им были даны, а из их разговорного употребления или

их этимологии, мы охотно заменили бы слова-ярлыки на порядковые номера или буквы алфавита, что мы порой действительно будем делать. Но чтобы рассуждения не казались слишком муторными и непонятными, мы будем также прибегать к использованию понятий из обыденного языка, точно указывая те вещи, которые они должны представлять.

49. В этой работе я воспользуюсь некоторыми терминами из механики, о точном значении которых сообщу здесь читателю.

50. Пусть некоторые вещи A , B , C ... способны воздействовать на экономико-социальное явление; для краткости можно говорить о силах A , B , C ...

Силы A , B , C ... могут быть рассмотрены как в тот момент, когда их действие еще не закончилось, так и после полного завершения их действия. В первом случае равновесие еще не достигнуто, во втором оно уже имеется. Пусть, к примеру, A — желание некоторого человека выпить вина, B — его опасения, что это может ему повредить. Этот человек вначале выпивает один бокал вина, затем еще один и, наконец, прекращает пить, поскольку его опасения эффективно противодействуют желанию. После первого бокала развитие феномена еще не закончилось, так как ни желание, ни страх не завершили свое действие. Очевидно, что когда мы рассматриваем феномен, следует указать момент: когда A и B еще действуют или же когда их действие завершилось.

Аналогичный, но не идентичный феномен проявляется в механике; поэтому по аналогии с механикой можно воспользоваться термином «равновесие». Более детальные объяснения будут даны позднее (см. § 820 и далее).

51. Мы можем изучать феномен, задавая некоторые условия. Например, можно исследовать формы общества, введя условие существования частной собственности.

В механике при аналогичных феноменах такие условия называют «связями».

Рассмотрим систему материальных точек, которые и находятся в определенных связях; пусть на эти точки действуют некоторые силы A , B , C ... Последующие положения таких точек будут определяться этими силами и связями.

Рассмотрим общность, образованную некоторыми индивидами. Имеются определенные условия, такие, как частная собственность, наличие свободы или рабства, технические и научные знания, богатства, религия и т. д. Кроме того, на нее влияют определенные силы: стремления, интересы, предрассудки людей и т. д. Можно предположить, что последующие состояния общности окажутся детерминированными

этим факторами, которые воздействуют на нее наряду с упомянутыми условиями. Для краткости эту общность можно называть социальной системой и утверждать, что на нее воздействуют некоторые силы, которые вместе со связями определяют положение точек системы.

52. В механике переход от одного состояния к другому называется «движением». Пусть так будет и в социологии.

Когда заданы условия и силы, то последующие стадии детерминированы. Такие движения называются «реальными». Если в исследовательских целях предположить, что одно из условий устранено, то стадии движения могут отличаться от реального движения. Такие движения будут именоваться «виртуальными».

53. Связи и силы социальной системы можно рассматривать в совокупности и называть весь этот комплекс просто «условиями». Теория детерминизма будет выражена словами о том, что состояние системы полностью определяется условиями и меняется только с их изменением.

Не принимая эту теоретическую установку априорно, мы используем ее только в четко заданных пространственных и временных границах. Опыт показывает, что, как правило, именно так и происходит, но это не исключает, что в других случаях теория детерминизма не срабатывает.

54. Часто спорят, что возможно и что невозможно в истории и в социологии. Согласно детерминизму все, что происходит — возможное, а все, что не происходит — невозможное. Но на самом деле мы выделяем, в противоположность реальным движениям, два рода виртуальных движений. При виртуальном движении первого рода предполагается элиминация некоторой связи, имевшейся при соответствующем реальном движении, но которая при иных обстоятельствах могла бы отсутствовать. В таких случаях встречаются реальные движения, аналогичные рассматриваемому здесь виртуальному движению, о котором в обыденном языке говорят как о «возможном движении». В случае виртуального движения второго рода предполагается гипотетическое снятие той связи, отсутствие которой никогда не встречалось, и, следовательно, никогда не наблюдались реальные движения, подобные этому виртуальному; в обыденном языке оно называется «невозможным».

55. Изучение виртуальных движений может проводиться главным образом с двумя целями.

1. Если рассматриваются движения, которые в одном случае являются виртуальными, а в других наблюдаются как вполне реальные, то их изучение может позволить предвидеть, какими в дальнейшем

окажутся реальные движения. К этому роду принадлежат прогнозы, даваемые в отношении результатов введения какого-либо закона или осуществления какого-нибудь мероприятия.

2. Рассмотрение виртуальных движений может использоваться для выяснения особенностей и характеристик некоторого общественного состояния.

56. Высказывания: «*A* детерминирует *B*» и «Если бы не было *A*, то не было бы и *B*» выражают одно и то же; в первом случае — в виде указания свойства *A*, во втором — в виде рассмотрения виртуальных движений.

57. Однако следует быть осторожным при обращении к виртуальным движениям, поскольку очень часто мы не знаем, какими могли бы быть последствия исчезновения какого-нибудь условия.
Добавим, что условия не являются независимыми; многие из них влияют друг на друга, и, кроме того, вызываемые ими эффекты затем влияют на сами условия.
Так, попытки переосмыслить историю, строя догадки о том, что произошло бы, если бы не случилось некоторое событие, оказываются детскими играми, когда неведомы все те изменения, какие произошли бы в таком гипотетическом случае. Что последовало бы после победы Наполеона I в битве при Ватерлоо? Мы ничего об этом не знаем.
Возможно, что когда-нибудь результаты исследований единообразий в области социальных явлений позволят предвидеть будущее развитие общества.

58. Элементами нашего изучения являются социальные факты, какими бы они ни были, включая также те, которые внешне выглядят как незначительные и несерьезные. Мы попытаемся дать их классификацию, чтобы затем раскрывать единообразия (законы) отношений между ними.

59. Мы постараемся заменять, насколько это возможно, количественные рассуждения на качественные. Однако, когда будет недоставать измерительной единицы для выражения количественных свойств, нам придется пользоваться некоторыми индексами, которые возрастают и убывают в соответствии с изменениями объекта. При всем несовершенстве этого метода он все же лучше, чем ничего.

60. Предупреждаю читателя, что рассуждаю исключительно в объективной и аналитической манере, согласно экспериментальному методу, без проявления каких-либо собственных чувств. Давая объективную оценку относительно той или иной стороны объекта, я вовсе не предполагаю

давать аналогичное суждение об объекте в целом. Читатель не найдет здесь рецептов, наставлений и предписаний для достижения счастья, получения пользы или обеспечения благосостояния всего человечества или какой-нибудь его части. Моя единственная цель состоит в изучении социальных единообразий (законов). В книге представлены результаты такого исследования с расчетом на то, что хотя бы ограниченному числу читателей, обладающих научной культурой, знакомство с ней не повредит. Тот, у кого иные намерения, найдет в изобилии иные книги и отложит мою в сторону. Как говорил Боккаччо о своих новеллах, я не стану бегать ни за кем, чтобы ее читали.

Парето, В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова ; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой ; науч. консульт. Н. А. Макашёва ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 511, [1] с. — Прил.: с. 465—511. — Перевод изд.: Pareto V. *Compendio di sociologia generale* / a cura di G. Farina. Firenze: Barbèra, 1920. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0573-1 (в пер.).

Первое издание на русском языке и в полном объеме всемирно известного труда одного из классиков социологической, экономической и политологической мысли, который дает целостное представление о теоретических взглядах итальянского ученого по этим направлениям.

В книге раскрываются общеметодологические проблемы социального познания и основные понятия Парето. Это прежде всего — общенаучный логико-экспериментальный метод познания и особенности его использования при исследовании социальных явлений, условия социального равновесия, нелогические действия людей и их главенствующая роль в жизни и развитии общества. А также «остатки» и «деривации» в мотивационной структуре человеческого поведения, динамический характер социального расслоения (циркуляция классов), циркуляция элит в социальных организациях любого уровня, включая элиту правящего класса. Книга изобилует богатейшим литературным и историческим материалом, на примерах которого ученый демонстрирует свои идеи; снабжена необходимыми для отечественного читателя примечаниями, применима как в научно-исследовательской, так и в образовательной сфере.

Для научных сотрудников, а также преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

УДК 316.1
ББК 60.5

Научное издание

Парето Вильфредо

Компендиум по общей социологии

Второе издание

Зав. редакцией *О. А. Шестопалова*

Редактор *М. С. Ковалёва*

Художественный редактор *А. М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика *В. С. Чукашев*

Корректор *С. М. Хорошкина*

Фотопортрет автора на с. 4 обложки представлен Le Centre Walras — Pareto

Отпечатано при содействии ООО «МАКС Пресс»

Подписано в печать 30.11.2007. Формат 70×100¹/₁₆

Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 41,6. Уч.-изд. л. 34,28

Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 938

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0573-1

9 785759 180573 1